

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ◊ 7

Ворота в рай ◊ 14

Я становлюсь William J. ◊ 42

Мое первое ателье ◊ 53

Шлем в цветах ◊ 76

Блаженная свобода ◊ 95

Нона и Софи ◊ 148

Магазинчик в Саутгемптоне ◊ 156

Модный фингал ◊ 187

На модном олимпе ◊ 208

О светском обществе ◊ 253

О вкусе ◊ 260

Философия Лоры Джонсон ◊ 271

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я любил его, не зная, как его любить. Если говорить о любви как о действии — сознательном и взаимном обмене — разве мог кто-то, кому посчастливилось знать Билла Каннинггема, легендарного фотографа рубрик «На улице» и «Вечерние часы» в *New York Times*, писателя, бывшего шляпника и истинного модного гения, предложить ему что-то, кроме себя самого? Я имею в виду не «себя» в смысле своего «я», открывающегося лишь при самых глубоких, тесных контактах. Нет, общение с Каннинггемом было основано на чем-то еще. Оно было глубоким, но по-другому.

Полагаю, все дело в том, на *это* вас вдохновляло общение с ним и *это* вам хотелось отдать ему, повстречав его на улице или в позолоченном парадном зале. Вам хотелось вручить ему свою веру в него и гордость за него. Билл хорошо разобрался

во внешности, но никогда не уставал и продолжал искать самое неуловимое качество одежды — стиль. Вам же хотелось помочь Биллу в его поисках исключительных обликов — то есть красиво одеваться и выглядеть интересным. Даже если вы не становились героем его фотографий и не удаивались его неподражаемой улыбке во все тридцать два зуба, до чего же приятно было наблюдать, как учащается его сердцебиение при виде очередной обворожительной модницы, озарившей его день своим появлением. Это был всего лишь один из подарков Билла Каннингема миру: он радовался возможности увидеть вас.

Часто можно было заметить худощавую фигурку Билла, склонившегося над объективом у Bergdorf's на углу Пятой авеню и Пятьдесят седьмой улицы — в его обычном месте — и фотографирующего чей-нибудь каблук, или в погоне за чей-нибудь юбкой. И в этот момент вам резко хотелось собраться, сгрести в кучу все яркие осколки своего «я» и весь свой экзистенциальный мусор, потому что это был ваш единственный шанс продемонстрировать свою любовь человеку, который жил для того, чтобы увидеть, что вы собой представляете.

Билл был большим энтузиастом, и эти мемуары буквально пронизаны его энергией. Они были напечатаны уже после его смерти и рассказывают о тех далеких годах, когда Билл работал в индустрии моды, еще до того, как он взял в руки фотоаппарат. При жизни у него вышла всего одна книга, «Облики» (Facades) 1978 года, в которой его старая подруга, фотограф Эдитта Шерман, щеголяла в исторических костюмах, собранных Биллом за долгие годы. Книга ему самому не понравилась,

Предисловие

но Билл был перфекционистом, совершенно не склонным к самоанализу. Да и разве книга могла удовлетворить его потребность постоянно двигаться вперед? Во многих смыслах мемуары Каннингема — его самый необычный проект. И, разумеется, он заканчивает их размышлениями о будущем моды.

Оптимист от природы, Билл никогда не ощущал себя одиноким, ведь у него был он сам. Он родился в семье ирландских католиков, представителей среднего класса, в Массачусетсе эпохи Великой депрессии и вырос в пригороде Бостона. Он любил моду с детства, и эта любовь оказалась сильнее жажды быть принятым своим окружением, которое он считал очень скучным. Его мемуары начинаются так.

«Мое первое воспоминание о моде — день, когда мама застала меня, четырехлетнего, дефилирующим по дому в лучшем платье сестры. Мы были обычной католической семьей, принадлежащей к среднему классу, и жили в ирландском предместье Бостона, в краю окон, занавешенных тюлем. Меня всегда привлекала женская одежда, она будоражила мое воображение. Но тем летним днем 1933 года мать прижала меня к стене гостиной и избивала до полусмерти, пригрозив переломать все кости в моем тогда еще не знавшем запретов теле, если я осмелюсь снова надеть девчачий наряд».

Типичная история: подвергаться нападкам за то, что проявляешь интерес к своему истинному «я». Но дальше Билл совершенно беззлобно продолжает: «Призвав на помощь всю свою бостонскую сдержанность, мои дорогие родители постановили, что лучшее лекарство для меня — держаться подальше от любого искусства и моды». Это оказалось невозможным.

Он остался собой до конца, несмотря ни на что. Еще юношей устроился на работу в престижный бостонский универмаг и больше не оглядывался. Теперь его было не остановить. После Бостона он переехал на Манхэттен и некоторое время жил с родственниками, которые тоже в нем разочаровались, затем устроился в универмаг *Bonwit Teller* и стал делать свои первые шляпы. Его оптимизм поражает. В 1950 году, в тридцать один, его призвали в армию. «Сначала я очень расстроился, мне казалось, что годы тяжелого труда пойдут насмарку, — пишет он. — Но я никогда не умел надолго заикливаться на плохом и всегда верил, что в любой ситуации можно найти что-то хорошее». Так и вышло, несмотря на все невзгоды, которые выпали на его долю.

Мемуары Билла очень кинематографичны: вот он после увольнения из *Bonwit Teller* работает уборщиком в нью-йоркском особняке в обмен на аренду комнаты, где он может шить свои шляпы. Его соседи словно сошли со страниц «Завтрака у „Тиффани“» Трумена Капоте, но несмотря на творящийся в доме хаос — там был даже потоп — Билл не унывает. А мы с каждым словом любим его все больше и больше, потому что он принимает окружающих такими, какие они есть, но очень требователен к себе. В период безденежья он пьет по чашке какао в день и питается модой и красотой, которые в избытке находит в сверкающих витринах бутиков, продающих ныне позабытые вещи. Мне кажется, вполне уместно сравнить Билла с коллекционерами Джоном и Доминик де Менил. Как и Каннингем, они были католиками и считали свою увлеченность красотой и помощью художникам духовной практикой

Предисловие

и упражнением в любви: любовь к Богу может выражаться в любви к его творениям и *их* творениям. В документальном фильме 2010 года «Билл Каннингем, Нью-Йорк» есть момент, который смотреть почти невыносимо, — когда Билла спрашивают о его вере, католичестве. Это единственный раз, когда он отворачивается от камеры и весь съеживается, точно уходит в свою раковину. В этот момент я отвернулся от экрана, как и когда сияющий Билл получал почетную награду Юджинии Шепард от Совета модных дизайнеров Америки в 1993 году. Разумеется, он приехал на вручение на велосипеде. Как можно быть таким замечательным человеком? В мире *моды*? Такая нежность убила бы любого и убила бы Билла, если бы одновременно он не обладал и твердостью. Он осознавал ценность моды, но относился к ней без капли сентиментальности.

Мемуары Билла заканчиваются на том, что шляпы выходят из моды и его оригинальный стиль никому не нужен. «Мода живет и дышит постоянными переменами». Билл доказывает, что недостаточно интересоваться модой, чтобы иметь индивидуальный стиль. Он был уверен, что стиль *вырастает* из индивидуальности, которая никогда не смотрится в модное зеркало. Как сказал писатель Кеннеди Фрейзер, стиль — своевольная сестра моды, «анархистка», которой чужды любые правила. В заключительной части мемуаров Билл замечет, что «важно, чтобы одежда соответствовала времени и месту». Потому что одежда рассказывает историю — не только о том, кто ее носит, но и о своей эпохе. Разве можно игнорировать мир, в котором мы живем; мир, наполненный восхитительной трагедией происходящего; мир, который никогда не повторится?

Билл обращается к тем, кто действительно понимает моду, и к их последователям, и его слова звучат как молитва.

«Будем надеяться, что модные дизайнеры никогда не перестанут творить для тех, кто их вдохновляет и кто готов носить вещи, порожденные полетом их фантазии, ведь именно благодаря таким музам мода и становится живым искусством. В моде есть лишь одно правило, о котором не стоит забывать ни клиентам, ни дизайнерам: когда вам начнет казаться, что вы все знаете и уловили дух времени, в ту самую секунду забудьте обо всем, чему вы научились, переверните это с ног на голову, найдите новое применение старой формуле».

Свет, который теплился внутри Билла Каннингема и озарял все вокруг, — свет его сердца — был светом человека, который считал себя счастливым лишь потому, что он жил. И я уверен, что Билл знал о привилегии, данной каждому человеку в жизни, — нашей способности *надеяться*, благодаря которой мы продолжаем жить.

Хилтон Элс